

Международная конференция журнала «Новое литературное обозрение»

XXXII БАННЫЕ ЧТЕНИЯ

3 – 5 апреля 2026 (в формате онлайн)
<https://www.youtube.com/@nlobooks/streams>

**Генезис советской гуманитарной науки:
институции, биографии, идеологемы**

Изучение интеллектуальной истории советского периода было одним из ключевых направлений работы «Нового литературного обозрения» с момента появления журнала¹. За прошедшие с распада Советского Союза десятилетия эта тема стала лишь актуальнее — историческая дистанция позволяет увидеть, что даже в условиях жесткой политико-социальной рамки многие советские ученые стремились сохранять интеллектуальную автономию, вести интенсивную исследовательскую работу, предлагать теоретические концепции и добиваться результатов, которые и сегодня влияют на отечественный гуманитарный ландшафт. Ряд явлений советской теории, впрочем, остался неразвитым и ушел под спуд. Многие направления, активно развивавшиеся в западной интеллектуальной среде, не были даже намечены, и их приходилось уже в постсоветское время переоткрывать и осваивать.

На XXXII Банных чтениях участникам предлагается осмыслить трансформацию советского гуманитарного знания с опорой прежде всего на исследования литературы, а также на смежные с ними разысканиями в областях языкознания, истории, философии, социологии и других наук. Вопросы о дисциплинарной сегментации интеллектуального поля в советские годы, о распределении символических и материальных благ между гуманитариями, а также о всевозможных стимулах этих процессов часто подвергались идеологическим присвоениям, и поэтому до сих пор не обрели внятной концептуализации. Мы предлагаем несколько направлений, каждое из которых по-своему проблематизирует разговор об интеллектуальной жизни в СССР.

Первый продуктивный подход к изучению истории производства знания — институциональная рамка. Организационный аспект позволяет говорить не только об отдельных case studies, связанных с историей исследовательских и образовательных учреждений, но и о гуманитарных науках в ряду других институтов советской публичной сферы. В частности, можно рассмотреть такие институциональные аспекты, как функционирование науки в центре и на периферии Советского Союза, взаимодействие

¹ См. следующие тематические блоки на страницах журнала: «Советское наследие: Новый порядок» (№ 74), «Присвоение классика: Контексты Выготского» (№ 85), «Интеллектуалы в закрытом обществе: 1960-е» (№ 111), «Эстетические дискуссии 1920-х годов: Из истории ГАХН» (№ 134), «Из филологического наследия» (№ 139), «Домашние интеллектуальные собрания позднесоветского времени» (№ 173). С № 189 в журнале появилась рубрика «Археология филологического знания».

между учреждениями высшего образования и Академией наук, присуждение ученых степеней и проч. Одной из важнейших проблем изучения научно-институциональной специфики советского периода была и остается история неформальных связей гуманитариев, их попыток создания разнообразных «теневых» площадок академической свободы и распространения нового теоретического знания и интеллектуальных идей (выездные сессии в формате дружеских загородных посиделок, домашние семинары, факультативные чтения лекций, публичные выступления в Домах культуры и т.п.)

Другой ракурс разговора об истории задается биографическим подходом. Традиционные нарративы, ограничивающиеся приращением нового материала о жизни отдельных ученых, уже недостаточны для погружения в социальную историю гуманитарной науки. В одном из писем к Виктору Шкловскому Юрий Тынянов писал: «Необходимо осознать биографию, чтобы она впряглась в историю литературы, а не бежала, как жеребенок, рядом». Именно такое сопряжение индивидуальных траекторий с широким общественным и интеллектуальным контекстом эпохи необходимо в современных биографических исследованиях, посвященных, в частности, причинам, по которым советские авторы из разных областей знания обращались к опыту литературы и к ее изучению.

Наконец, особую значимость несут исследования, использующие подходы в рамках истории идей советских гуманитариев, вынужденных постоянно оценивать собственные концептуальные построения, принимая во внимание подвижный политико-идеологический контекст времени. Как гуманитарные науки участвуют в формировании идеологием? Какие идеологические клише пережили конец советского режима?

Разумеется, предложенные подходы не исчерпывают всю сложность темы, но лишь предлагают общую рамку для описания системы производства знания в Советском Союзе. Разговор этот тем более важен, что, как писал Юрий Лотман, не раз испытывавший эту систему на прочность, «история плохо предсказывает будущее, но хорошо объясняет настоящее».

Основные вопросы, которые предлагается обсудить на XXXII Банных:

1. Язык самоописания теории и история понятий: какими фигурами пользуются советские гуманитарии, чтобы говорить о себе, о своей науке, об идеологии и о свободе? Роль метафоры в теоретизировании?
2. Центральное и периферийное в устройстве знания: как складывается советский интеллектуальный мейнстрим? В чем роль альтернативных теорий и периферийных сообществ производства знания – в историческом моменте и при ретроспективном анализе советского периода?
3. Подходы к изучению институций: какую роль в публичной сфере играют академические институции? Где проходит граница между личным и институциональным? Какие аналитические приемы плодотворны для описания институциональной динамики гуманитарных наук? Существовали ли формы передачи методологии вне официальных организаций?
4. Взаимоотношения науки и художественных практик. Как артистический дискурс проникает в научный и наоборот? Какие формы взаимоотношений выстраиваются между сообществами ученых и художников, существует ли институциональное напряжение между ними?
5. Компаративный и генетический аспект: какие процессы можно назвать параллельными в советской и западной теории? Международные контакты: советские ученые на Западе, западные ученые в Советском Союзе. Чем сегодня интересны исследования интеллектуальной истории русской эмиграции? В каких обстоятельствах оказывались ученые-эмигранты? Как происходило их вращение в западный интеллектуальный и институциональный контекст?
6. Роль теории и истории в советской науке. Позитивистский подход к культурной истории – продолжение дореволюционных академических традиций, реакция на засилье теории или бегство от цензуры? Текстология и научное комментирование в советском идеологическом контексте.

Программа конференции

3 апреля 2026

Утреннее заседание: модератор Ирина Прохорова

11.00 – 15.00 Ландшафты советской гуманитарной теории

1. *Александр Дмитриев.* Поколения и переломы: 1984, или 20 лет спустя
2. Тимур Атнашев. Рефлексия современности как горизонт советских общественных наук в конце 1960-х гг.
3. *Илья Калинин.* Ландшафты гуманитарной теории: закон обратной перспективы и производство пространства
4. *Олеся Кирчик.* - Кибернетика и эпистемологические сдвиги в гуманитарных науках периода холодной войны (СССР и Запад)

Вечернее заседание: модератор Татьяна Вайзер

16.00 – 20.00 Институты производства знания

1. *Круглый стол:* ГАХН между институцией, теорией и биографией: упущенная возможность в истории советского гуманитарного знания?

Участники: Николай Плотников (ведущий), Екатерина Иванова, Алина Аванесян, Ирина Сироткина, Марина Акимова

2. *Марина Раку.* Институциональное самоопределение отечественной науки о музыке: проблемы ее генезиса и судеб наследия советского музыкознания
3. *Марк Липовецкий.* Поздний Шкловский как культурная институция

4 апреля 2026

Утреннее заседание: модератор Дмитрий Цыганов

10.00 – 14.00 Филология как царица советской гуманитарной науки I.

1. *Круглый стол:* Что такое «зарубежка»? Изучение иностранных литератур в советское время

Участники: Сергей Зенкин (ведущий), Татьяна Венедиктова, Иван Делазари, Наталия Злыднева, Ирина Прохорова

2. *Ольга Вайнштейн.* «Сомневаюсь и размышляю много»: пространства свободы в интеллектуальной биографии А. В. Карельского
3. *Николай Гринцер.* «Советская классическая филология» как исторический феномен

Дневное заседание: модератор Валерий Отяковский

15.00 – 19.00 Филология как царица советской гуманитарной науки II.

1. *Екатерина Лямина.* Историческая наука и историческая беллетристика: феномен успеха «Кюхли» Тынянова
2. *Мария Энгстрем.* "Учитесь плавать": Темное просвещение Евгения Головина
3. *Михаил Ямпольский.* Филология как царица наук
4. *Сергей Иванов.* «Релокант» Васильев и его советские корреспонденты (1925-1945)
5. *Валерий Отяковский, Дмитрий Цыганов.* Книжный человек: ОПОЯЗ и личная библиотека Виктора Шкловского

5 апреля 2026

Дневное заседание: модератор Дмитрий Цыганов

14.00 – 17.00 Авангард в тени советского искусствознания

1. *Кирилл Чунихин.* Советское искусствознание в контексте: Перечитывая критику искусства США в годы холодной войны
2. *Леля Кантор-Казовская.* Интеллектуальная история «Великой утопии»
3. *Илья Кукуй (Германия).* "Диалог слишком далеких друг от друга поколений": дискуссии об авангарде в переписке Николая Харджиева и Сергея Сигея
4. *Кевин Платт (США).* - Советский авангард как наследие и глобальное позиционирование в период оттепели: случай Виктора Шкловского

Вечернее заседание: модератор Ирина Прохорова

18.00 – 21.00 Трансформация советской исторической науки

1. *Виталий Тихонов.* “Историографический авангард: советская историческая наука 1920-30-х гг. в контексте культурно-интеллектуальной революции первой трети XX века”
2. *Ирина Сандомирская.* «Истоженная история» Михаила Гефтера
3. *Ирина Савельева.* Добродетельный марксизм: академические доблести советского историка по материалам автобиографий

ТЕЗИСЫ

Александр Дмитриев

Поколения и переломы: 1984, или 20 лет спустя

Заголовок моего выступления отсылает к известному эссе Лидии Гинзбург, написанному на рубеже 1970-х и 1980-х годов, — когда специфически советский тип гуманитарного мышления уже уходил в прошлое, хотя внешне как раз казался прочным и почти незыблемым. В докладе я хотел бы очертить «модельные» типы и «пути» позднесоветских гуманитариев с точки зрения своего рода стихийной, несистематизированной антропологии науки. Таких идеальных типов в гуманитарной науке (серьезной, ориентированной на разнодисциплинарные гамбургские счета) среди **признанных** советских авторов «1984 года» я бы выделил три, по мере охвата целевой аудитории:

1. путь **новатора-одиночки**, нацеленного все же на цензурные публикации в советских условиях;
2. путь **строителя школы**, скорее чем лидера неформального кружка;
3. путь **публичного ученого** (не совсем *public intellectuals*) с явной адресацией к специфическому тогдашнему «общественному мнению» и разным идеологическим трендам.

В качестве прототипов для 1984 года я бы выделил, соответственно, Мераба Мамардашвили, Юрия Лотмана и, выходя за пределы только гуманитариев, Юрия Давыдова, автора работ по социальной и эстетической теории, потенциального христианского консерватора. Для следующего поворота ножки циркуля — через 20 лет, для условного 2004 года, — уже после крушения прежней идеологии и даже государства, в рамках умозрительного пасьянса тоже можно выделить знаковые фигуры продолжателей, держателей выделенных мною вакансий. Вместо Мамардашвили аспиранты-миллениалы читали Бибахина и Подорогу, важным авторитетом и воспитателем смены филологов был Андрей Зорин, а в социальной теории амбиции прямого ученика Давыдова Александра Филиппова признавались — внутри РФ — одними из самых весомых. Основным тут остается вопрос — что «склеивало» три обозначенных идеальных типа ученого-восьмидесятника?

Тимур Атнашев

Рефлексия современности как горизонт советских общественных наук в конце 1960-х гг.

В интеллектуальном ландшафте СССР конца 1960-х годов «современность» перестает быть просто хронологическим периодом. В кругу Михаила Гефтера она осознается как исторически произведенная незавершенность и поле рефлексии, необходимое для нового прочтения классиков марксизма-ленинизма. В известном сборнике 1969 года «современность» осмыслена через три стратегии. Для самого Гефтера поиск альтернатив в прошлом (в сборнике рассмотрен кейс «американского пути»), превращающая настоящее в точку соотношения возможности и действительности. Субъектная стратегия (Грунт) осмысляет современность как процесс становления масс через самодеятельность Советов и фабзавкомов. Третий, рефлексивный, подход к настоящему (Арсеньев, Панкратова) понимает его как неустранимую оптику самопознания человечества в постоянной рефлексии предметной деятельности. В этот же период ряд экономистов предпринимают попытки создать политическую экономию для СССР, а Алексей Румянцев патронирует возникновение социологических исследовательских центров для изучения современного советского общества. Закрытие Сектора методологии, увольнения ведущих социологов и отказ от попыток сформулировать положения политической экономики в применении к СССР совпал со сворачиванием амбициозных косыгинских реформ и превратил рефлексию в зону «самостоянья единиц», сделав систему слепой к «неуловимой практике истории».

Илья Калинин

Ландшафты гуманитарной теории: закон обратной перспективы и производство пространства

Как известно, прямая перспектива, доминирующая в искусстве, культуре, принципах восприятия и познания действительности Нового времени, опирается на вполне определенное представление о пространстве как о бесконечном, статичном, гомогенном и нейтральном континууме (Панофский). Это рациональное, математическое восприятие пространства, объективируемое прямой центральной перспективой, полностью совпадает с тем, что Шкловский в своем теоретическом манифесте «Искусство как прием» (1917) определяет как автоматизированное восприятие, *узнавание*, сводящее мир к абстракции, редуцирующее субъекта к фиксированной и монокулярной точке зрения, — зрения, направленного на не менее фиксированный и стабильный мир. Напротив, *остраняющее видение*, с точки зрения Шкловского, должно вернуть человеку его бинокулярность, оно

исходит из понимания того, что в движении пребывает и воспринимаемый мир, и воспринимающий его субъект. Вместо статичной «точки зрения» (автоматизированного узнавания) остранение задает динамичное «поле зрения», пространство, в котором субъект взаимодействует с воспринимаемым им миром, обнаруживая при этом как его, так и свою собственную конструкцию, постоянно деформируемую и меняющуюся в процессе этого взаимодействия.

В своем докладе я попытаюсь поместить теорию остранения в интернациональный контекст проблематизации феномена перспективы, возникший в 1910–1920-е (Жегин, Флоренский, Варбург, Панофский), а затем реактуализированный в советские 1970-е на волне возвращения к авангардным идеям 1920-х и поискам новых теоретических горизонтов. В свою очередь, эта рефлексия об остранении и разнообразии символических форм, организующих оптику восприятия, помещенная в контекст социологии пространства (от Г. Зиммеля до А. Лефевра), обнаруживает утопический потенциал производства таких типов организации социального пространства, которые бы отличались от политического мейнстрима Нового времени.

Олеся Кирчик

Кибернетика и эпистемологические сдвиги в гуманитарных науках периода холодной войны (СССР и Запад)

Период холодной войны был отмечен быстрым развитием новых вычислительных технологий и научных методологий, связанных с кибернетикой, системным подходом, теорией информации, которые стали активно проникать и по-своему осмысляться в общественных науках и гуманитарной мысли того периода. В предлагаемом докладе я рассмотрю некоторые формы и последствия этой интервенции научно-технических понятий и методов в разные сферы гуманитаристики в послевоенном Советском Союзе — в сравнении с аналогичными трансформациями в западной социальной теории.

Общими для проектов, которые я буду рассматривать, стали попытки осмысления роли алгоритмизации и формализации для производства знаний и для управления: объективно выступая ответом на ускоренное развитие компьютерных и информационных технологий, они одновременно несли для их авторов отчетливо реформистский и практически ориентированный смысл. И хотя кибернетика и системный анализ стали частью советского официального дискурса и практик, при этом важно показать, что рассматриваемые проекты в той иной мере формировались как дважды *альтернативные* — по отношению и к западному научному мейнстриму, и к советскому идеологическому и академическому официозу.

ГАХН между институцией, теорией и биографией: упущенная возможность в истории советского гуманитарного знания? (Круглый стол)

Участники:

Николай Плотников (модератор)

Екатерина Иванова

Алина Аванесян

Ирина Сироткина

Марина Акимова

Государственная академия художественных наук (1921–1930) была одной из наиболее амбициозных попыток институционализации гуманитарного знания в раннесоветский период. Она объединила философов, искусствоведов, психологов и практиков искусства в рамках проекта научного исследования художественной культуры, ориентированного на теорию искусства, междисциплинарность и диалог с европейской эстетической традицией. ГАХН функционировала как пространство рефлексии и дискуссии о методах анализа формы, истории эстетических понятий и теоретических основаниях искусствознания, выступая посредником между академической наукой, художественной практикой и административной властью. В контексте трансформации статуса и функции гуманитарных дисциплин в Европе первой половины XX века Академия может быть рассмотрена как особая модель «советского модернизма» в науке — модель, разрушенная институционально, но концептуально значимая. При этом ее история не заканчивается разгромом 1930 года. Многие участники ГАХН, выжившие после сталинского террора, — Жинкин, Попов, Губер, Габричевский, Тарабукин, Сидоров, Лосев, Зубов и другие — продолжили научную работу в иных институциональных условиях. Их публикации, переводы, редакторская и педагогическая деятельность во многом определяли масштабы и направления развития советских гуманитарных наук, хотя связь этих усилий с гахновским проектом никогда не была явно артикулирована. На круглом столе речь пойдет не только о самой Академии как историческом феномене, но и о длительном воздействии сформированной в ее рамках исследовательской программы на последующее развитие искусствознания, эстетики и истории гуманитарной мысли. Обращение к опыту ГАХН позволяет по-новому поставить вопрос о возможных траекториях развития советского гуманитарного знания.

На круглом столе предлагается обсудить следующие вопросы:

1. роль и положение ГАХН как искусствоведческого *think tank* 1920-х годов в истории советских гуманитарных институций и в европейском академическом контексте;
2. концептуальное наследие ГАХН в советский период;
3. институциональное и биографическое значение разгрома ГАХН.

Раку Марина

Институциональное самоопределение отечественной науки о музыке: проблемы ее генезиса и судеб наследия советского музыкознания

Российское музыковедение пришло к позиционированию себя как научной дисциплины довольно поздно — лишь к началу XX века. Взгляды на то, вести ли отсчет истории российского музыкознания как науки с дореволюционного периода или же с первых лет советской власти, разнятся и определяются институциональной рамкой. Организационной специфике российской музыкальной науки и этапам ее формирования, смена которых определялась переформулированием социальных задач, будет посвящена первая часть доклада. Вторая часть — тому, как эти сложившиеся в советское время формы функционируют в современной ситуации: отвечают ли они сегодняшнему самопозиционированию музыкальной науки и манифестируемым ею задачам; насколько эти задачи изменились по сравнению с предшествующим советским периодом и как они соотносятся с западным контекстом. Основные выводы связаны с оценкой степени саморефлексии современного научного знания в области музыки.

Марк Липовецкий

Поздний Шкловский как культурная институция

В.Б. Шкловский в период «оттепели» и последующие десятилетия, вплоть до его смерти в 1984 году, оформляется в особую культурную институцию, с особым режимом существования и специфическими правилами игры, определяющими его роль и место в советской культуре. И хотя републикации формалистической классики 1920-х годов требуют огромных усилий и не всегда увенчиваются успехом, авторитет Шкловского как одного из основоположников формализма инструментализируется советским научным истеблишментом в качестве не официозного, не догматического, оружия против наиболее революционных движений в гуманитарной науке и, прежде всего, структурализма. Сам

Шкловский подтверждает такое позицирование своей полемикой с Р. Якобсоном и В. Проппом (особенно показательна в этом плане книга «Тетива»).

Вместе с тем, как показал цикл исследовательских семинаров, которые С. Ушакин и я проводили в 2019–2023 годах, сама интеллектуальная поэтика позднего Шкловского, игнорируемая коллегами-современниками как инерционная, развивала инновативные принципы, во многом предвосхищавшие постструктурализм. В версии Шкловского постструктурализм вырастает непосредственно из советского авангарда и формализма — а вернее, из ностальгических и лукавых «воспоминаний» о них. И этот смысл Шкловского как институции заставляет пересмотреть многие унаследованные от культурных войн 1960–70-х постулаты.

Что такое «зарубежка»? : Изучение иностранных литератур в советское время. (Круглый стол)

Участники:

Сергей Зенкин (модератор)

Татьяна Венедиктова

Иван Делазари

Наталия Злыднева

Ирина Прохорова

«Зарубежная литература» занимала особое место в цикле гуманитарных дисциплин, изучаемых и преподаваемых в советское время. По сравнению с другими науками, контактировавшими с западной культурой, она имела наибольший массовый резонанс: Советский Союз был «читающей страной», в нем издавались крупными тиражами книги некоторых зарубежных писателей, и в них обычно имелись сопроводительные статьи, писавшиеся не столько критиками-литераторами, сколько специалистами из академической среды — преподавателями и научными работниками (лишь немногие из них занимались также переводами и критикой текущей словесности); их собственные труды сами могли становиться значительными событиями в интеллектуальной жизни страны — ср., например, книги Наума Берковского о немецком романтизме, Александра Аникста и Леонида Пинского о Шекспире или Михаила Бахтина о Рабле. Понятия, методы, привычки мышления, свойственные советской «зарубежке», симптоматичны для общих взаимоотношений русской и западной культуры и для того места, которое Советский Союз занимал в мировом процессе развития гуманитарного знания XX века. Для исторического и компаративного обсуждения этой научной традиции организуется круглый стол, в числе предполагаемых вопросов которого следующие:

- 1) преемственность дисциплины — в чем советское изучение зарубежной литературы наследовало дореволюционному и в какой мере сохранилось в постсоветском;
- 2) как оно соотносится с проектами «компаративной» и «мировой литературы»;
- 3) какие познавательные стратегии применялись в отношении разных исторических периодов и разных национальных литератур, в зависимости от их политической/этнической близости;
- 4) какие специфические средства анализа и периодизации применялись к «зарубежной» литературе;
- 5) как импортировались, вместе с зарубежным материалом исследования, теоретические инструменты его изучения, традиционно-филологические, философские, социологические или новые методы вроде структурализма;
- 6) как формировался международный научный канон (классики науки, на которых можно и нужно ссылаться);
- 7) как вообще развивались научные контакты с иностранными коллегами и академическими школами — хотя бы заочные, через публикации, рефераты и ссылки;
- 8) как эволюционировала дисциплина — вместе со всем обществом, но также и по своим внутренним причинам.

Ольга Вайнштейн

«Сомневаюсь и размышляю много»: пространства свободы в интеллектуальной биографии А.В. Карельского.

Доклад будет посвящен научному и творческому наследию литературоведа и переводчика Альберта Викторовича Карельского (1936–1993). На примере профессиональной деятельности А.В. Карельского будет рассмотрен вопрос о возможностях расширения институциональных рамок в преподавании и неформального общения с коллегами и учениками. Особое внимание будет уделено семинару по поэтике немецкого романтизма, который А.В. Карельский вел на филологическом факультете МГУ в 1979–1980 годах. Вокруг этого семинара (который отчасти проходил в жанре домашних докладов) сложилось сообщество учеников А.В. Карельского, которые впоследствии стали заниматься изданием и комментированием его трудов.

По литературоведческим работам А.В. Карельского можно реконструировать его основные теоретические установки: концепция широкого неоромантизма, важность этического измерения, принцип «сострадательного участия», критика «параллельной истории литературы». Однако наиболее полно взгляды А.В. Карельского можно понять, изучая его переписку. Его письма к А.Б. Ботниковой позволяют восстановить как биографический

контекст, так и его отношение к публикациям коллег по цеху, к семиотике и структурализму.

Доклад базируется на опыте работы с архивными материалами при подготовке к печати лекций и писем А.В. Карельского.

Николай Гринцер

«Советская классическая филология» как исторический феномен

В докладе будет предпринята попытка проследить основные тенденции в развитии классической филологии в советское время. В своем внутреннем противостоянии идеологии, главенствовавшей в остальных гуманитарных науках, классическая филология в СССР законсервировалась в следовании дореволюционным (во многом гимназическим) образцам и, соответственно, продолжала ориентироваться прежде всего на немецкую школу XIX века, и в гораздо меньшей степени воспринимала новые традиции английской и тем более американской филологии, постепенно выходившие на первый план в западном антиковедении. В то же время некоторые из филологов-классиков искали выхода за традиционные рамки за счет смежных гуманитарных дисциплин: сравнительного языкознания и мифологии, исторической поэтики и семиотики — и именно здесь возникали главные точки напряжения между «архаистами и новаторами». Эти особенности во многом определили особенности развития дисциплины в постсоветское время, когда взаимодействие с западной наукой вновь стало и необходимым, и естественным. «Архаичность» советского времени, с одной стороны, парадоксальным образом поспособствовала сохранению базовых принципов филологического подхода, отчасти нарушенных в современной западной науке. С другой — эта архаичность при желании быстро преодолевалась, в том числе и за счет уже существовавшей внутренней привычки к помещению античных текстов в более широкий сравнительно-исторический и типологический контекст. В итоге, как кажется, «советская классическая филология» представляется сейчас не столько национальной научной школой XX века, сколько своеобразным историческим экспериментом консервации части европейской традиции, а затем ее реанимирования и довольно быстрого преобразования в новых условиях.

Екатерина Лямина

Историческая наука и историческая беллетристика: феномен успеха «Кюхли» Тынянова

Цель предлагаемого сообщения — контекстуализировать тыняновскую «повесть о декабристе» и проанализировать ее феноменальный успех. Начатая, по совету Корнея Чуковского, как не слишком обременительная «халтура» («заказное» сочинение к 100-летию восстания 14 декабря, отмечавшегося в конце 1925 года), *biographie romancée* Вильгельма Кюхельбекера быстро стала для советской литературы, в особенности исторической беллетристики, а также для самосознания советского интеллигента текстом очень авторитетным, причем надолго.

Мы полагаем, что такой резонанс был обеспечен не только уникальными знаниями Тынянова-историка литературы, исследователя биографии и творчества Кюхельбекера, но и его теоретической ипостасью — в параллель он обдумывал идею литературной эволюции, в ходе которой авансцена и кулисы, центр и периферия постоянно меняются местами, что дополнительно обосновывает выбор в главные герои Кюхельбекера, не прочитанного в свое время поэта-«архаиста», предвосхитившего новаторство будущих литературных поколений, прежде всего футуристов. Он маргинален и как декабрист — но именно на этой фигуре Тынянову удалось продемонстрировать и значение, и обаяние, и хрупкость дворянской революционности, впервые таким крупным планом и со столь последовательно проведенным принципом погружения читателя в мироощущение персонажа. За счет этого, в частности, «Кюхля» чрезвычайно выигрышно смотрится на фоне сложившейся за 1850–1910-е годы традиции «декабристской беллетристики», а также на фоне текстов о декабристах, увидевших свет незадолго до и вскоре после юбилея 1925 года.

Что же касается поэтики, то монтажный (и с несомненным реверансом в сторону кино) стиль, впервые развернутый Тыняновым-писателем и сценаристом именно в «Кюхле», стал самостоятельным литературным явлением, энергия которого в дальнейшем питала многие образчики советской исторической беллетристики.

Мария Энгстрем

«Короткие замыкания» в идеологии прогресса: Евгений Головин и советская оккультура

В докладе я рассмотрю производство альтернативного знания в позднем Советском Союзе на примере творчества Евгения Головина (1938–2010) и деятельности Южинского кружка. Помимо создания альтернативного жизненного мира, важнейшей частью андеграундных практик и стратегий создания нерегламентированного пространства было ускользание от советского просвещенческого проекта через освоение новых зон знания, а также собственное производство альтернативного знания. Южинский кружок выделялся на общем фоне позднесоветского андеграунда своим интересом к эзотерическим и религиозным традициям Востока и Запада, поэтому это сообщество можно рассматривать

как разновидность религиозного андеграунда, позднесоветского «традиционализма» и «окультуры». В позднем СССР Евгений Головин стал одним из главных медиаторов тех западных контррациональных интеллектуальных движений, которые ушли в подполье во второй половине XX века и на самом Западе, — европейского традиционализма (Эвола, Генон), алхимии и оккультизма (Лавкрафт и Кроули). Именно Головин сделал Южинский кружок центром правой интеллектуальной мысли и сформировал ту радикально-консервативную эстетику, которая в полную силу заявит о себе уже после развала Советского Союза, когда запрос на оккультурные мифологемы и «гиперверие» как вторжение нечеловеческого в нашу повседневность возрастает.

Михаил Ямпольский

Русская филология как царица наук

Вопрос, который меня интересует, касается совершенно особого статуса русской филологии среди остальных гуманитарных дисциплин России. По существу, только российские слависты (филологи и историки) пользуются авторитетом у своих коллег за рубежом, почти во всех остальных областях гуманитарного знания у российских ученых крайне ограниченное признание. Среди антиковедов даже Лосев и Фрейденберг не вызывают интереса; среди медиевистов хорошо известны только Гуревич, Каждан (и в меньшей степени Лидов). Россия не произвела ни одного авторитетного искусствоведа, театроведа или философа; исследования европейских и восточных литератур в последние полвека не дали ни одного крупного имени. Не существует и известных российских социологов или историков и теоретиков культуры. Конечно, русская литература в России всегда занимала особое место, однако важно понять, почему и что привело к странной ситуации, в которой только она давала последние десятилетия пропуск в серьезную науку.

Сергей Иванов

«Релокант» Васильев и его советские корреспонденты (1925–1945)

Крупный российский византист Александр Александрович Васильев в 1925 году отбыл в США в командировку, которую аккуратно продлевал до 1928 года. Будучи профессором Мэдисонского университета, он некоторое время еще оставался руководителем научной группы ГАИМК в Ленинграде, но в СССР больше не вернулся. В 1929 году на Васильева был выписан арестный ордер по «Академическому делу», о чем ему стало известно случайно, однако до 1935 года ученый по-прежнему числился членом-корреспондентом АН СССР. Письма же из Советского Союза продолжали ему приходить вплоть до 1945

года, причем не только от родных, но и от коллег. Этот обширный эпистолярный архив, разбросанный между университетской библиотекой Мэдисона (Висконсин), центром Думбартон-Окс (Вашингтон) и семейной фермой Вэн-Вельзо (Виргиния), позволяет несколько по-новому взглянуть на то, как воспринимались при сталинском режиме границы допустимого.

Валерий Отяковский, Дмитрий Цыганов

Книжный человек: ОПОЯЗ и личная библиотека Виктора Шкловского

В докладе будет представлена попытка взглянуть на биографию Виктора Шкловского через призму его личной библиотеки, сохранившейся в семейном собрании. Мы намерены проследить трансформацию читательских практик теоретика, который от авангардистской парадигмы «Прочитай — разорви!», культивировавшейся в 1920-х, и сугубо функционального подхода к книге, который рассматривал материальное издание исключительно как питательный материал для собственного творчества, к позднему восприятию собственной библиотеки, когда Шкловский начал воспринимать книжное собрание как зеркало собственной биографии. В докладе будет рассмотрен корпус изданий, связанных с ОПОЯЗом и попытками позднего Шкловского сконструировать историю формализма, запечатленную не только в черновиках ненаписанной книги, но и на книжных полках ученого.

Кирилл Чунихин

Советское искусствоведение в контекстах: К проблеме производства знания о модернизме и реализме в годы холодной войны

В научной литературе прослеживается отчетливая тенденция понимать творчество советских искусствоведов как проекцию государственной идеологии на вопросы эстетики. Такая редукция позволяет выявить общие контуры теории и практики искусствознания в СССР, а также ключевые социально-политические обстоятельства его становления и развития. Однако начиная с 2010-х годов стереотипизирующие оценки советской истории как тоталитарного дискурса вызывают все больше сомнений среди историков советского, искусствоведов и музейных кураторов. В своем докладе я попробую остраничь некоторые общепринятые представления о производстве знания об искусстве в СССР. Для этого я рассмотрю два сюжета из истории создания советской истории американского искусства в годы холодной войны.

Первый сюжет составят эпизоды советского антимодернизма. Под этим термином я понимаю конструирование знания о модернистском искусстве в Советском Союзе, известном своей агрессивной риторикой по части немиметической живописи. Образующие этот массивный пласт дискурса публикации нередко воспринимаются как идеологизированная до бессмыслия государственная риторика, полностью оторванная от тенденций развития западной истории искусства. Однако советский антимодернизм можно прочесть иначе: как особый извод «истории уродства» (У. Эко), цель которого состояла в попытке объяснить природу безобразного.

Понятый по-советски исторический смысл безобразного искусства легитимизировал — и это второй сюжет доклада — нарративы о реализме в США. Ключевым автором в этой области стал Андрей Чегодаев, куратор выставок американского искусства в СССР конца 1950-х годов и автор знаменательной монографии «Искусство Соединенных Штатов Америки от Войны за независимость до наших дней» (1960). Эту книгу нередко читают как пример догматичного, изолированного от глобальной искусствоведческой мысли исследования. В действительности работу Чегодаева можно воспринимать и как ответ на знаменитую монографию «Искусство и жизнь в Америке» (1949) Оливера Ларкина, удостоенную Пулитцеровской премии. Научное творчество этих двух авторов предвосхитило глобальный интерес к реалистическому искусству США, который оформится только в 1970-х годах.

В конце концов, прочтение советских текстов об американском искусстве в контексте реалий холодной войны позволяет лучше понять логику советской истории искусства, а также степень ее включенности в глобальное знание. Такая перспектива открывает неожиданные ракурсы на природу советского отношения к искусству и позволяет, избегая инвектив и апологий, осторожно поставить вопрос о ценности советского дискурса об искусстве как интеллектуального наследия.

Лёля Кантор-Казовская

Интеллектуальная история «Великой утопии»

Русский авангард, один из главных либеральных идеалов советского времени, стал впервые полностью «обозреваем» на выставке «Великая утопия». Эта самая крупная в истории выставка русского авангарда, проходившая в 1992–1993 годах в Нью-Йорке, Франкфурте, Амстердаме и Москве, неожиданно стала ареной встречи и конфликта разных концепций этого художественного течения, которые до этого развивались в разных странах и средах, не имея формальных площадок для артикулированного диалога. Советский андеграунд, советские либеральные искусствоведы, критики из Восточной Европы и представители

Западной «новой истории искусства» по-разному расставляли акценты в понимании русского авангарда, но умели сотрудничать и по большей части не выяснять противоречий, которые и обозначились в большом коллаборативном проекте. Его изучение дает материал для понимания того, какую роль «запрещенное» в Советском Союзе искусство авангарда играло в либерализации советского общества и какие политические ожидания вкладывали в знакомство с ним интеллектуалы других стран.

Илья Кукуй

«Диалог слишком далеких друг от друга поколений»: дискуссии об авангарде в переписке Николая Харджиева и Сергея Сигея

Историк литературы, филолог и коллекционер Н.И. Харджиев (1903–1996) и поэт, художник и перформер Сергей Сигей (С.В. Сигов, 1947–2014) поддерживали в 1978–1992 годах тесные творческие, научные и человеческие контакты. Центром их активной переписки были вопросы канонизации, интерпретации и ввода в оборот наследия русского авангарда — как живописного, так и литературного, в первую очередь поэта Василиска Гнедова. Вопросы вокруг издания и оценки поэзии Гнедова образуют своеобразную рамку и одну из главных тем переписки, начавшейся в год смерти поэта и закончившейся на почве разногласий при составлении книги его произведений, вышедшей в Тренто в 1992 году. Доклад посвящен в первую очередь коммуникативным регистрам переписки, в которой на фоне обмена мнениями и информацией о неподцензурной в то время филологической теме вскрываются не только человеческие, но и социокультурные, и методологические расхождения представителей различных поколений исследователей русского авангарда.

Кевин Платт

Советский авангард как наследие и глобальное позиционирование в период оттепели: случай Виктора Шкловского

Как объяснили Владислав Зубок и другие, эпоха оттепели ознаменовала частичное возрождение не только эстетических, интеллектуальных и политических тенденций, связанных с ранней советской эпохой, но и ключевых личностей, которые выступали живыми проводниками кодов, категорий и ценностей досталинского общества. Среди этих важных «живых реликвий» был Виктор Шкловский. Однако, как ясно показывает случай со Шкловским, восстановление традиций авангардной эпохи во время оттепели часто означало также вступление в спор с западным либеральным миром относительно ее

истинного значения и законного места в географии. Возьмем, к примеру, замечания Шкловского об абстракции в изобразительном искусстве в его жанрово смешанной работе 1966 года «Жили-были»: «...почему то, что придумали русские левые художники пятьдесят лет тому назад, стало в Америке сейчас почти официальным искусством». На примере интеллектуальной биографии Шкловского в данной презентации будет рассмотрено взаимодействие советского наследия и глобальной социально-политической дифференциации как формирующий элемент интеллектуальной и эстетической жизни Советского Союза 1960-х годов. Как будет показано с опорой на работы П. Бурдые, Н. Лумана и другие социально-теоретические инструменты, внутренняя конфигурация советских интеллектуальных ценностей этой эпохи была неразрывно связана с глобальными механизмами противостояния и обмена в период холодной войны.

Виталий Тихонов

Историографический авангард: советская историческая наука 1920–30-х гг. в контексте культурно-интеллектуальной революции первой трети XX века

Традиционно на советскую историографию 1920–30-х годов смотрят как на поле противостояния (или напряженного сосуществования) «настоящей» науки (т.н. историков «старой школы») и идеологически ангажированных историков-марксистов. Безусловно, сам по себе миф о хранителях «чистой науки» представляет немалый интерес. Однако в предлагаемом докладе я хотел бы поместить «молодую» историческую мысль Советской России не в контекст сомнительной дихотомии «настоящие историки vs служители идеологии», а посмотреть на нее как на модернистский проект, своеобразный «историографический авангард». Главным маркером модернизма признается критика и отрицание «классики».

Для обсуждения я выдвигаю следующие тезисы:

- 1) в отечественной историографии 1900–1910-х годов уже можно было обнаружить эксперименты с тематикой, методологией, стилистикой, которые противоречили классической модели историописания XIX века;
- 2) марксизм изначально следовал модернистскому тропу критики и пересборки реальности и стал важнейшим теоретико-методологическим инструментом в новой модели(ях) исторического исследования;

- 3) в советском марксизме происходит отказ от типичных для классической модели принципов нейтральности и объективности. Знание о прошлом объявляется элементом текущей общественной практики;
- 4) можно отметить и отказ от классического историзма в пользу смещения темпоральных режимов, когда прошлое, настоящее и будущее спрессовываются и зачастую меняются местами;
- 5) отказ от идеологии профессионализма и отчасти специализации. Историк является одновременно и исследователем, и активным субъектом, творцом исторического процесса. Историописание — инструмент возвращения исторической субъектности угнетенным классам и народам;
- 6) помимо марксистских идей, в трудах советских историков 1920–30-х годов можно обнаружить элементы многих модернистских течений (в частности, фрейдизм).

Можно говорить, что «историографический авангард» повторил судьбу своего более известного современника — русского авангардистского искусства первой трети XX века. В первое десятилетие существования Советского Союза новым властям оказалось по пути с новым искусством, но по мере укрепления сталинского курса на великодержавие и неоклассику как лучшее отражение этой идеологии авангард терял свою актуальность и вскоре фактически оказался под запретом, а советское историописание развивалось по классическому пути.

Ирина Сандомирская

«Истощенная история» Михаила Гефтера

Мое сообщение основывается на реплике в недавней дискуссии, организованной журналом «Историческая экспертиза» в связи с выходом в свет нового собрания работ Михаила Гефтера, подготовленного Михаилом Рожанским. Мне представляется актуальной для нашего времени идея Гефтера об «истощении истории», которую он формулирует через призму размышлений Герцена о «просторе отсутствия», т.е. об экзистенциальной и исторической пустоте после краха утопического проекта. Гефтер размышляет о падении исторического сознания и о поражении историка в его ремесле; об истощении исторической теории и бессилии воображения. Особенно интересны для меня биографические (поколенческие) особенности формирования материалистической теории истории Гефтера и особенности его языка, укорененного в эзоповской традиции позднесоветской интеллигенции.

Ирина Савельева

Добродетельный марксизм: академические доблести советского историка по материалам автобиографий

Настоящее исследование посвящено анализу представлений о добродетелях историка в советской научной культуре. Меня интересует, что означало в СССР быть «хорошим историком» и каким образом эти представления соотносились, с одной стороны, с эпистемическими ценностями, прежде всего с признанием марксизма в качестве «единственно верного учения», а с другой — с политическими условиями научной деятельности: господствующей идеологией, государственной научной политикой, институциональными режимами и реальным содержанием труда ученых в разных дисциплинах.

Представления об эпистемических добродетелях, необходимых профессиональных навыках и моделях поведения имплицитно или эксплицитно присутствуют в автобиографиях историков. На примере двух автобиографий я хочу проанализировать профессиональные аспекты научной работы советских историков, навыки и методы, а также нетекстуальные «практики» их существования в профессии: различные способы «быть советским историком». Мои герои в данном случае: Евгения Владимировна Гутнова и Александр Моисеевич Некрич. С позиций того времени они прожили достаточно разные жизни в науке. Гутнова — яркий типаж официальной советской науки; Некрич — один из наиболее известных представителей критической советской историографии, заслуживший в итоге запрет на профессию. Относительная полярность их научных биографий позволяет выявить напряжение — а возможно, и конфликт — между различными нормативными образами профессии историка в послевоенном СССР.